

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р95

Художественное оформление серии
Екатерины Тинмей

Рымарь, Диана Валерьевна.

Р95 Номер 333 : [роман] / Диана Рымарь. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-109043-2

На мне клеймо «Всемогущих», маленькое тату на спине, состоящее из трех цифр: 333. Моя задача — улаживать моего господина и делать все, что он скажет.

Для мужчин я — рыжая стервочка, играющая в покорность, мартовская кошка, предугадывающая желания. Но я просто хочу выжить! Единственный шанс — добрый хозяин, и наконец удача улыбнулась мне... И не все ли равно, что он бабник? Стоп! Кажется, я влюбилась... Только не это!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109043-2

© Рымарь Д., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

ПРЕДЛОЖЕНИЕ РУКИ, СЕРДЦА И РЕМНЯ

*Новогодняя ночь
Суббота, 1 января 2022 года
00:02*

Ждана

— *В*ыходи за меня! — шепчет мне в губы Роман сразу после того, как целует меня под бой курантов.

Вот так просто. Мы стоим в гостиной его загородного дома, в наших бокалах отражаются огни елки, в камине трещат дрова. Всё тихо-мирно, ничего, как говорится, не предвещало, и вдруг на тебе — как снег на голову...

Представляю Романа в роли своего жениха и еле сдерживаю рвотный позыв. К слову, вызван он отнюдь не шампанским или заливной рыбой, которую я приготовила для нас двоих.

— Ну? Что скажешь? — спрашивает он настойчивее, сдувает с моего плеча прядь рыжих волос.

— Я согласна! — отвечаю с прidyханием.

Что еще я могу ответить?

На мне клеймо «Всемогущих», маленькое тату на спине, состоящее из трех цифр: 333. Порядковый номер,

судьба, сломанная жизнь — что угодно, но никак не безобидное украшение для моего маленького стройного тела. Моя задача — ублажать и делать всё, что скажет мой господин, а сейчас я вся с потрохами принадлежу Роману Войтову, владельцу сети магазинов здорового питания.

Эх, если бы он и сам ел то, что продавал. Возможно, тогда к своим сорока годам выглядел бы приличнее, а так — среднего роста пузан с плохой кожей. Я живу с ним вот уже пять лет, но так к нему и не привыкла. И дело тут даже не в его внешности, хотя на лицо он тоже далеко не красавец, к тому же кожа на его шее покрыта застарелыми шрамами от ожогов, а на левой щеке красуется S-образный шрам.

Да, знаю, очень красивые люди часто бывают злыми, а страшные уроды — добрыми. Я не оцениваю людей по внешней оболочке, но внутреннее содержимое Войтова во много раз ужаснее неказистой внешности.

Один бог знает, как я его ненавижу...

Однако я хорошо знаю свое дело и не подаю вида, изо всех сил держу лицо. К тому же не хочу схлопотать новое наказание. Так что если Войтову хочется сегодня изображать жениха — флаг ему в руки, барабан на шею, а лучше перца в анальное отверстие. Я знаю точно — ему не нужна жена. Если бы она ему была нужна, он не держал бы меня возле себя так долго, давно заменив подходящей кандидатурой. А если бы хотел жениться именно на мне, сделал бы это годы назад.

«Блажь, не более...» — пытаюсь себя успокоить.

Всё равно мой контракт с этим мужчиной когда-нибудь закончится.

— Давай сделаем это! — рычит он, отпуская меня.

Тут же хватается за свой ремень, вытягивает его из джинсов, ждет, когда я протяну руки для того, чтобы он стянул их этим кожаным пыточником. Я знаю, что будет

дальше, мы проходили это много раз. Мне уже не страшно — противно, но не страшно.

Я привычно позволяю ему связать мои запястья, повернуть спиной к спинке дивана, наклонить. Морщусь, когда его руки скользят под подолом моей юбки.

И тут вдруг слышу его хриплое:

— Я выкуплю тебя насовсем!

От этого его обещания меня резко бросает в жар, потом в холод, а потом я забываю, как нужно дышать, и, кажется, синею от нехватки кислорода.

Глава 2

ИСТОРИЯ ЖДАНЫ

Ждана

Каждый год, когда мой новый контракт подходит к концу, я молюсь, чтобы Роман вернул меня туда, откуда взял, и каждый год он решает продлить мою пытку еще на триста шестьдесят пять дней. Вот такая круговая порука. Теперь же амнистии и вовсе ждать не стоит...

«Как я это выдержу?»

— Элена, Элена, с тобой всё в порядке? — Он вдруг замечает, что я больше не дышу.

Поворачивает меня к себе, шлепает по щекам.

Судорожно делаю вдох, потом еще один и еще. Сердце бьется о грудную клетку как сумасшедшее.

— Элена, ты меня пугаешь!

«Я Ждана, мать твою! Ждана, а не долбаная Элена!» — хочу закричать и буквально захлебываюсь своими словами.

Элена — он дал мне это имя в первый же день, когда привез к себе домой. Я знаю — так звали его мать...

Роман не раз мне про нее рассказывал. В девичестве Елена Герра, испанка, выскочившая замуж за русского спортсмена и укатившая за ним в славный СССР. К несчастью, ее муж слишком рано умер, оставил вдову одну-одиношеньку с малолетним сыном на руках.

Дамочка была с огоньком: что ни день, то новый любовник. Жили они в двухкомнатной квартире с картонными стенами. Сын спал в соседней спальне. Ну, как спал — больше прислушивался к тому, что происходило за стенкой, а происходило там многое. Он нередко подглядывал за ней, заставал спящей в голом виде и... наверняка прочил потом в ванной, вспоминая мамочкины прелести. Последнее — не его слова, мои догадки, но думаю, я права, ведь я знаю — на меня он мастурбирует очень часто.

Его мать умерла, когда Роману было восемнадцать, но я видела ее фото. Стройная, с высокой грудью и талией, которую можно обхватить двумя кистями рук. Елена была красивой женщиной, и вместе с тем ее фото шокировало меня до глубины души. Она — вылитая я. То же лицо, тот же миндалевидный разрез глаз, очертание губ. Единственная разница — мои кудри и глаза светлые, ее же были чернее ночи. Он даже заставил меня так же подстричься.

Роман выбрал себе в содержанки мамочкину копию и теперь истязает меня за ее распутство.

— Ты в порядке? — спрашивает он, закончив оздоровительное похлопывание по моим щекам.

— Да, всё хорошо, это, наверное, шампанское...

Не верю в его заботу, нет в его взгляде ни капли искренности. Ему всё равно, в порядке ли я, как себя чувствую. Просто он терпеть не может, если прерывается его ритуал.

Невольно морщусь от того, что он сильнее сдавливает ремнем мои запястья.

— Ты же знаешь, я по-другому не могу... — шепчет он, с фальшивой любовью заглядывая мне в лицо.

Когда любят, не затягивают на руках ремни до красных рубцов, не мучают, не гнобят за чужие грехи. Роман Войтов любить не умеет, Роман Войтов умеет лишь притворяться, настоящие чувства ему недоступны.

Он снова резко поворачивает меня спиной к себе, припечатывает грудью на спинку дивана. Задирает юбку, лобзуется моей филейной частью в розовых стрингах.

— А-а-а... — резко вскрикиваю, когда он от всей души шлепает меня по ягодицам.

Причем чем громче кричу, тем больше ему нравится.

«Я — не мое тело, я далеко отсюда, меня здесь нет...» — привычно отключаюсь.

Моему мучителю не нужно мое присутствие, для ритуала ему достаточно вида моей отшлепанной попки.

«Ты же знаешь, я по-другому не могу...» — всплывает в сознании его жалкая попытка оправдаться. Да, по-другому он не может, но и так... так не может тоже! За все пять лет он так ни разу и не снял с меня трусы, потому что он — паршивый импотент!

Его тело может и хочет физической любви. Его агрегат периодически встает, когда он начинает меня ласкать. Он даже может немного об меня потереться своим эрегированным органом, но на этом всё. Когда дело доходит до дела, его боец дезертирует, ведь с мамочкой сношаться нехорошо, мамочку хотеть — табу и вообще стыдно, а именно с нею он меня ассоциирует. Психологическая травма во всей своей красе, точнее уродливости.

Всё, на что по большей части способен его пенис, — вяло болтаться между жирными ляжками Войтова. И я благодарна судьбе за это... Я не знаю, как пережила бы полноценный контакт с ним.

Вот и сейчас чувствую попкой, как Роман об меня трется своим вялым органом и начинает звереть из-за острой неудовлетворенности.

— Ну что, сучка, уже натрахалась без меня?! — орет он мне в ухо.

Это вторая часть сценария игры, в которую он со мной играет. Романтическая прелюдия закончилась, началась правда жизни — великовозрастный сын безумно ревнует свою мамашу-шлюху.

Он разворачивает меня к себе и бьет наотмашь по лицу.

Обычно ор и пощечины продолжаются до первой кровати. Разбитая губа или нос... Что будет в этот раз — неизвестно. Один раз я неудачно упала и разбила себе о столешницу лоб.

Завтра я получу за сегодняшнее действие какое-нибудь ювелирное украшение, море извинений и обещания, что больше ни-ни. Пару недель или даже месяц он будет со мной паинькой, а потом всё повторится...

— Потаскуха! — орет он и снова бьет.

Я падаю на пол, из правой ноздри сочится долгожданная теплая красная струйка. Спешу продемонстрировать ему свой разбитый нос. Роман рычит обиженным зверем — еще бы, действие закончилось слишком быстро, он толком не успел насладиться. Перестарался, вложил в удар слишком много силы...

— Слабая, старая, никчемная тварь! — орет он на прощание и оставляет меня зализывать раны.

Вот такой у нас с ним секс.

Кое-как поднимаюсь, одергиваю задранную юбку, бреду в ванную комнату и долго умываю лицо холодной водой. Что-что, а раны зализывать я научилась.

Кстати, я совсем не старая, мне всего двадцать восемь, выгляжу я от силы на двадцать. Не сейчас... а обычно.

И Роман у меня не первый хозяин-импотент.

Я получила клеймо «Всемогущих», когда мне исполнилось двадцать. Моим первым и самым любимым хозяином

был престарелый параплегик с параличом ног. Всё, на что был способен, — сидеть в своем навороченном кресле-каталке и смотреть. Я танцевала для него стриптиз, сопровождала на светские мероприятия, позволяла любоваться собой во всевозможных нарядах, которые он разрешал мне купить. Конечно, он периодически щупал меня за разные места, но всё равно это было хорошее время, лучшее из того, что выпало на мою долю за последние восемь лет. Я прожила с ним два года. После него был сексоголик, с которым пришлось пройти в койке Крым и рым. Зато он меня ни разу не ударил, за что я тоже была благодарна. Через год — стандартный срок действия контракта — он сменил меня на другую. Третьим моим хозяином стал уже Роман Войтов, эмоциональный кастрат, не способный ни на физическую, ни на духовную близость...

Впрочем, мне эта близость не нужна. И любовь не нужна, я ее даже боюсь... Она у меня уже была и ранила даже больше, чем всё остальное дерьмище, которое случилось в моей жизни потом.

Глава 3

ЖЕНА ЛУЧШЕГО ДРУГА

Новогодняя ночь

Суббота, 1 января 2022 года

00:12

Натан

— Натан, ты хороший, правда! Ты добрый, отзывчивый... Ты еще обязательно себе кого-нибудь найдешь...

Слушаю сбивчивую речь крошки Киры и обалдеваю.

Да, давненько мне не говорили такого, хотя в свое время наслушался разного.

Пока не начал зарабатывать приличные деньги, девчонки то и дело мной расшвыривались. В ранней юности я казался им несерьезным, не заслуживающим особого внимания. Балагур Натан, не стоящий без своего папочки и ломаного гроша, а папочка эти гроши перестал мне выдавать с наступлением совершеннолетия. Такой была моя инициация во взрослую жизнь. Хотя недостатка в женском внимании я даже тогда не испытывал. Девчонки охотно со мной знакомились, любили забежать в гости на кофе с презервативом в сумочке. Вот тогда-то фразы типа «ты хороший парень, добрый, отзывчивый» и набили оскомину.

Только с Кирой-то я не встречаюсь, у нас с ней никогда ничего не было и не будет, хоть девчонка до одури привлекательная. Стройная, с симпатичной мордашкой — всё при ней.

Резко закашливаюсь, чтобы как-то сгладить неловкость. Отвечаю в тон ее словам:

— Кирочка, не будь ты женой моего лучшего друга, я бы подумал, что ты со мной расстанешься!

— Чего?! — Ее и без того огромные глаза буквально превращаются в два блюдца.

Пытаюсь разъяснить:

— Да просто девчонки так обычно начинают разговор, когда хотят расстаться с парнем, разве нет? Это ваши любимые слова!

— Эм... — Кира хлопает ресницами, о чем-то напряженно задумывается, потом выдает с самым грозным видом: — Натан, не мели чушь!

«Чушь? Я?!»

Сама вытащила меня из гостиной, завела в какой-то закуток, теперь еще и ругается.

От ее резкого тона даже будто немного трезвею, хотя во мне примерно полбутылки коньяка и два бокала шампанского, выпитых исключительно за компанию с дамами. Новогодняя ночь все-таки.

— Так что ты хотела? — спрашиваю хмуро.

— Я хотела, чтобы ты отстал от моей Саши! — Она сжимает руки в кулачки и напряженно ими трясет. Ее золотистые кудри подпрыгивают в такт резким движениям.

Тут уже мне впору хлопать ресницами.

— Что такого я ей сделал?

— Ты... ты... — Кира выставляет вперед указательный палец, — ты ее поцеловал!

«Ничего себе преступление!»

Невольно усмехаюсь:

— Так Новый год! Все целовались... И ты, кстати, тоже!

— Я целовала собственного мужа, а ты девушку, которая только-только развелась! Она вообще еще в себя не пришла, и потом... Может, они еще помиряются... Короче, держись от Александры подальше!

От последних слов громко закашливаюсь.

— Простыл, что ли? — хмуро интересуется Кира.

— Не простыл, просто малость обалдел... Кир, что за бред! Я думал, всё наоборот — ты меня с Сашей сводишь!

— Еще чего... — фыркает она.

И так пренебрежительно фыркает, что мне становится крайне неприятно. Интересно, что во мне не так, раз не достоин ее дорогой подружки? Я, между прочим, хоть куда! Высок, в меру упитан и хорошо воспитан.

— Ты приводила ее ко мне на день рождения! — выдаю ей контраргумент.

— Я просто хотела, чтобы она развеялась!

«Так я с удовольствием ей в этом помогу!» — хочу ответить, но вовремя сдерживаюсь.

Да, имею некую слабость к грустным девочкам. Нравятся они мне, хочется их приласкать, успокоить, подарить удовольствие, ну и, конечно, взять чуток себе. Ладно, про чуток я загнул — мне нужно много, очень много. И обычно мне весьма охотно это «очень много» дают.

Подруга Киры, Александра, сейчас как раз в том состоянии, когда ей просто необходим качественный секс. За руку тронь — уже вздрагивает. Так и хочется потрогать за более чувствительные места. По всему видно — недолюбленная, и поцелуй мне понравился. Кроме того, девчонка-то прехорошенькая. В ней всё так, как я люблю: стройная, даже хрупкая, а попка с сиськами в порядке. Я, собственно, еще до поцелуя решил — буду брать. А что, я парень холостой, мне можно. Да только как тут возьмешь, когда грустную деву охраняет кудрявый блондинистый дракон, очень языкастый, даром что мелкий.

— У вас слишком большая разница в возрасте. Тебе тридцать семь, Натан! — вдруг выдает мне она.

Ну уж это ни в какие ворота! Аргумент, нечего сказать. Да, мне тридцать семь... исполнилось позавчера. Но, черт подери, я отлично выгляжу, мне в жизни столько не дашь. По-прежнему могу похвастаться пышной каштановой шевелюрой, ни одного седого волоса. Я слежу за собой: хожу в спортзал и вообще уважаю активный отдых. Таких, как я, тридцатисемилетних днем с огнем запаришься искать. К тому же чья бы корова мычала, Кире-то двадцать пять, зато ее муж — мой ровесник. Итого у них двенадцать лет разницы в возрасте. Если ей с такой разницей нормально, почему ее подруге должно быть плохо? Насколько мне известно, они тоже одногодки. Двойные стандарты налицо!

«Ты обалдела?!» — хочу на нее зарычать, но не делаю этого... Всё же жена друга, по умолчанию крайне уважаемый человек, да и с мужем ее ссориться себе дороже.

— Твоему благоверному, вообще-то, столько же! Ты это к чему?!

— Мой муж — случай особый! И вообще... не в возрасте дело! Ты... Ты жуткий бабник, Натан! Вот просто кошмарный! Мы не виделись два года, а у тебя новая девушка каждые две недели, то есть ровным счетом ничего не изменилось! Я тебе больше скажу — и не изменится!

Невольно хмурюсь. Что-то разговор свернул совсем не туда... Я, собственно, меняться-то и не собирался, мне и так хорошо. Кроме того, ей-то какое дело?

— Откуда знаешь? — спрашиваю угрюмо. — Может, я тоже когда-нибудь женюсь...

— Ой, не смей мои шпильки! — вдруг фырчит она, и мне становится решительно не до смеха.

— Кир, по-моему, ты сейчас переходишь грань... — мягко пытаюсь ее приструнить, хотя, по-моему, она эту грань перешла еще в начале беседы. — Я ничего плохого ей не делал!

— Натан, ты правда хороший, добрый...

— Ты опять за свое? — уже откровенно злюсь.

— Хорошо... — шумно вздыхает она. — Если ты думаешь, что девчонкам нравятся отношения без обязательств, которые ты им навязываешь, то ты ошибаешься...

«Здрате, приплыли! Я их что, наручниками к постели приковываю, что ли? Колхоз — дело добровольное!»

Крошке Кире всё же удастся довести меня до белого каления. И снова сдерживаюсь, пытаюсь себя оправдать:

— Я никому ничего не навязываю!

— Не собираюсь учить тебя жизни! Но нормальным тихим влюбчивым девочкам, как моя Саша, от тебя одни слезы, это факт! Держись от нее подальше, я тебя очень прошу!

— Кир, я ничего плохого не хотел...